

Жермини Ласерте

Эдмон и Жюль де Гонкур

ЖЕРМИНИ ЛАСЕРТЕ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Г65

Перевод с французского Э. Линецкой

Гонкур, Э. и Ж. де

Г65 Жермини Ласерте / Э. и Ж. де Гонкур; [пер. с фр. Э. Линецкая]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 298 с.

ISBN 978-5-521-74415-2

Литературное наследие писателей Жюль и Эдмона Гонкур представляет собой важный этап в развитии французского романа 60–70-х годов XIX в. Братья Гонкуры, как позднее и Флобер, провозглашали принцип тщательного изучения жизни, правдивого и точного воспроизведения современной действительности в романе.

Лучший роман Гонкуров «Жермини Ласерте», который вызвал острую дискуссию в критике, повествует о служанке Жермини, которая влюбляется в сына лавочника Жюпильона, всячески эксплуатирующего её и заставляющего войти в неоплатные долги. Отныне вся жизнь её становится сплошной ложью, она живет в вечном страхе, что кто-нибудь узнает о её двойной жизни. Мастерское описание происходящих в душе Жермини метаний, угрызений совести, морального падения, глубокое проникновение во внутреннюю жизнь героини составляют реалистическую основу романа. «Эта работа представляет собой клиническое исследование любви», – фраза из предисловия братьев Гонкуров, ставшая впоследствии девизом молодого Золя.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2018

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018

ISBN 978-5-521-74415-2 © Перевод. Э. Линецкая, наследники, 2018

Предисловие

Мы должны попросить прощения у читателей за эту книгу и заранее предупредить их о том, что они в ней найдут.

Читатели любят лживые романы, — этот роман правдив.

Они любят книги, притязающие на великосветскость, — эта книга пришла с улицы.

Они любят игривые безделки, воспоминания проституток, постельные исповеди, пакостную эротику, сплетню, которая задирает юбки в витринах книжных магазинов, — то, что они прочтут здесь, сурово и чисто. Напрасно они будут искать декольтированную фотографию Наслаждения: мы им предлагаем клинический анализ Любви.

Читатели также любят книги утешительные и болеутоляющие, приключения с хорошим концом, вымыслы, способствующие хорошему пищеварению и душевному равновесию, — эта книга, печальная и мучительная, нарушит их привычки и повредит здоровью.

Для чего же мы ее написали? Неужели только для того, чтобы покоробить читателей и оскорбить их вкусы?

Нет.

Живя в XIX веке, в пору всеобщего избирательного права, либерализма и демократии, мы спросили себя: не могут ли те, кого называют «низшими классами», притязать на роман? Другими словами, должен ли народ, этот человеческий мир, попранный другим человеческим

миром, оставаться под литературным запретом, презираемый писателями, обходившими до сего времени молчанием его душу и сердце, хотя, быть может, у него все же есть и душа и сердце? Мы спросили себя, действительно ли в век равенства по-прежнему существуют для писателя и читателей недостойные внимания классы, слишком низменные несчастья, слишком грубые драмы, чересчур жестокие и потому неблагородные катастрофы? Нам захотелось выяснить, правда ли, что форма, излюбленная в ныне забытой литературе и исчезнувшем обществе, а именно — Трагедия, окончательно погибла и что в стране, не имеющей каст и узаконенной аристократии, несчастья людей маленьких и бедных не будут взывать к уму, к чувству, к жалости так же громко, как несчастья людей влиятельных и богатых? Короче говоря, нам захотелось проверить, могут ли слезы, проливаемые в низах общества, встретить такое же сочувствие, как слезы, проливаемые в верхах?

Эти мысли побудили нас написать в 1861 году смиренную историю «Сестры Филомены». Эти же мысли дают смелость опубликовать сейчас «Жермини Ласерте».

А теперь пусть чернят нашу книгу; это уже не имеет значения. В эпоху, когда роман расширяется и углубляется; когда он постепенно становится подлинным изображением жизни, вдумчивым, горячим и страстным литературным исследованием, равно как и социальной анкетой; когда, с помощью анализа и психологических изысканий, он превращается в историю современных нравов; когда решает те же задачи и берет на себя те же обязательства, что и наука, — в такую эпоху он может требовать тех же льгот и вольностей, какие есть у нее. Пусть он стремится к искусству и правде; пусть ри-

сует горести, которые нарушат покой тех парижан, что оказались баловнями судьбы; пусть показывает светским людям то, на что имеют мужество смотреть дамы-благотворительницы, на что некогда заставляли смотреть своих детей в странноприимных домах королевы: живое, трепещущее человеческое страдание, наставляющее милосердию; пусть причастится религии, которую прошлый век называл величавым и всеобъемлющим именем — Человечество, — большего от него и не требуется, ибо в этом — его право на существование.

Париж, октябрь 1864 г.

I

— Вы поправитесь, барышня, теперь вы непременно поправитесь! — захлопнув дверь за врачом, радостно воскликнула служанка и бросилась к постели, где лежала ее госпожа. Вне себя от счастья, она начала осыпать градом поцелуев одеяло, под которым жалкое, исхудалое тело старухи, такое маленькое в огромной кровати, казалось телом ребенка.

Старуха, сжав ладонями голову служанки, молча притянула ее к груди, потом вздохнула и прошептала:

— Что ж... Видно, придется еще пожить...

В окно маленькой спальни, где происходила эта сцена, был виден клочок неба, на котором рисовались силуэты трех черных железных труб, зигзаги крыш и вдали, в просвете между двумя домами, очертания обнаженной ветки невидимого дерева.

На каминной доске стояли в четырехугольном футляре красного дерева часы с большим циферблатом, с крупными цифрами и тяжелыми гирями. Рядом с ними поблескивали под стеклянным колпаком два подсвечника, — на каждом из них три посеребренных лебедя обвивали длинными шеями позолоченный колчан. Возле камина протягивало свои праздные теперь подлокотники вольтеровское кресло, покрытое тканью, вышитой по канве крестиком, — так обычно вышивают лишь маленькие девочки и старые женщины. На стенах висели два не-

больших пейзажа в стиле Бертена¹, нарисованные акварелью цветы — под ними была поставлена красными чернилами дата — и несколько миниатюр. Ампирный комод красного дерева украшала черная бронзовая статуэтка, изображавшая бегущее Время с протянутой вперед косой; статуэтка служила подставкой маленьким часам с бриллиантовыми цифрами, с голубым эмалевым циферблатом и ободком из жемчужин. По паркету протянулся ковер с черно-зеленым узором в виде языков пламени. Старинные ситцевые занавески на окне и кровати были шоколадного цвета, с красными разводами. Над изголовьем больной склонялся портрет, который, казалось, буравил ее взглядом. Жесткое лицо мужчины на этом портрете было оттенено высоким воротником зеленого атласного костюма и мягким муслиновым платком, свободно и небрежно повязанным вокруг головы по моде первых лет Революции. Мужчина, нарисованный на портрете, и старуха, лежавшая в постели, были очень похожи друг на друга: те же черные, густые, властно нахмуренные брови, тот же орлиный нос, те же четкие линии, выражавшие волю, решимость, энергию. Лицо портрета отражалось в ее лице, как лицо отца отражается в лице дочери. Но у нее жесткость черт смягчалась лучом суровой доброты, пламенем беспредельной верности долгу и по-мужски сдержанного человеколюбия.

В комнату проникал послеполуденный свет весеннего дня, — одного из тех дней ранней весны,

¹ *Бертен Жан-Виктор* (1775–1842) — французский пейзажист, изображавший природу в идеализирующей манере классицизма.

сверкающих хрусталем и белизной серебра, холодных, целомудренных и кротких, которые угасают на розовом закате, окруженные бледным ореолом. Небеса струили сияние новой жизни, такой же пленительно печальной, как еще не одетая земля, и до того нежной, что само счастье не удержалось бы от слез.

— Ну, на что это похоже? Моя дуреха Жермини плачет! — после короткого молчания сказала старуха, отнимая руки, увлажненные поцелуями служанки.

— Дорогая барышня, мне хотелось бы всегда так плакать! До того хорошо!.. Вспомнилась моя бедная матушка... и все остальное... Если бы вы только знали!

— Ну, успокойся! — сказала больная и, приготовившись слушать, закрыла глаза. — Расскажи мне.

— Бедная матушка!.. — Служанка умолкла. Потом заговорила снова, и полился поток слов, рожденных просветленными слезами, словно в эту минуту волнения и рвущейся наружу радости детство еще раз прихлынуло к ее сердцу. — Такая несчастная! Я до сих пор вижу, как она в последний раз вышла из дому... чтобы отвести меня к обеду... Помню, это было двадцать первого января... В то время читали завещание короля². Сколько я принесла ей горя! Ей было уже сорок два года, когда я родилась. Она все глаза себе выплакала из-за отца... Детей, не считая меня, было трое, и хлеба не хватало. А отец к тому же

² ...читали завещание короля. — Речь идет о завещании короля Людовика XVI, казненного во время французской буржуазной революции, 21 января 1793 г. В период Реставрации ежегодно в этот день в церквах поминали «короля-мученика».